

Эмоциональная связь людей и домашних животных в тувинской литературе

Шенне Ю. Азыраа

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Майнура А. Бурибаева

Кызылординский университет имени Коркыт ата, Республика Казахстан,

Мадина Б. Кенесова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье рассматривается феномен эмоциональной связи между человеком и домашними животными, прежде всего лошадьми и собаками, в тувинской художественной литературе. Авторы подчеркивают, что для тувинцев животные были не только помощниками в хозяйстве и источником пропитания, но и верными друзьями, с которыми устанавливалась прочная эмоциональная связь. Потеря или страдание животного воспринимались как личная трагедия, сравнимая с утратой члена семьи.

В работе анализируются произведения тувинских писателей, написанные на тувинском и русском языках, где раскрываются различные аспекты эмоционального взаимодействия человека и животных. Особое внимание уделяется сюжетам, в которых проявляются чувства радости, горя, сожаления, любви, а также описываются жесты утешения и моменты узнавания между человеком и его животным. Примеры из романов и рассказов («Кара-Бай» Е. Т. Тановой, «Далёкое эхо» Э. Л. Донгака, «Улуг-Хем неугомонный» К. К. Кудажи и др.) иллюстрируют, как лошади и собаки становятся неотъемлемой частью внутреннего мира героев, отражая их эмоции и переживания.

Также рассматриваются особенности перевода эмоционально насыщенных текстов с тувинского на русский язык, отмечается роль билингвальных авторов, способных передавать нюансы чувств через языковые системы. Авторы приходят к выводу, что художественная литература является ценным источником для изучения эмоциональной стороны взаимодействия человека и животных в традиционной культуре тувинцев.

Ключевые слова: тувинская литература; эмоция; эмоциональная связь; чувство; конь; собака

Для цитирования:

Азыраа Ш. Ю., Бурибаева М. А., Кенесова М. Б. Эмоциональная связь людей и домашних животных в тувинской литературе // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 42-54. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.3>

Азыраа Шенне Юрьевна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования Тувинского государственного университета. Адрес: Россия, г. Кызыл, 667000, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Эл. адрес: kuzhuget-sh@mail.ru

Бурибаева Майнура Абильтаевна — кандидат филологических наук, Член Правления-Проректор по научной работе и международным связям Кызылординского университета имени Коркыт ата. Адрес: Казахстан, г. Кызылорда, 120000, ул. Айтеке би, 29А, каб. 303. Эл. адрес: buribayeva.mainura@korkyt.kz

Кенесова Мадина Бакыткызы — докторант кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: madinabakytkyzy@mail.ru

Emotional bond between humans and domestic animals in Tuvan literature

Shenne Y. Azyraa

Tuvan State University, Russian Federation,

Mainura A. Buribayeva

Korkyt Ata Kyzylorda University, Republic of Kazakhstan,

Madina B. Kenesova

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

The article examines the phenomenon of the emotional bond between humans and domestic animals, primarily horses and dogs, in Tuvan fiction. The authors emphasize that for Tuvans, animals were not only assistants in economic activities and sources of subsistence, but also loyal friends with whom a profound emotional connection was established. The loss or suffering of an animal was experienced as a personal tragedy, comparable to the loss of a family member.

The work analyzes the writings of Tuvan authors composed in both the Tuvan and Russian languages, in which various aspects of emotional interaction between humans and animals are revealed. Particular attention is given to plots that portray feelings of joy, grief, regret, and love, as well as descriptions of gestures of comfort and moments of recognition between a person and his or her animal companion. Examples from novels and short stories (such as "Kara-Bai" by E. T. Tanova, "Distant Echo" by E. L. Dongak, "Restless Ulug-Khem" by K. K. Kudazhy, among others) illustrate how horses and dogs become an integral part of the inner world of the protagonists, reflecting their emotions and experiences.

The article also considers the specific challenges of translating emotionally rich texts from Tuvan into Russian and highlights the role of bilingual authors capable of conveying emotional nuances through different linguistic systems. The authors conclude that fiction serves as a valuable source for studying the emotional dimension of human-animal interaction in traditional Tuvan culture.

Keywords: Tuvan literature; emotion; emotional bond; feeling; horse; dog

For citation:

Azyraa Sh. Yu., Buribayeva M. A. and Kengessova M. B. Emotional bond between humans and domestic animals in Tuvan literature. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 42-54. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.3>

AZYRAA, Shenne Yurevna, Candidate of Philology, Head, Department of Pedagogy and Methods of Preschool and Primary Education, Tuvan State University. Postal address: Office 107, Letter B, 9 Mongusha Sata St., 667000 Kyzyl, Russia. E-mail: kuzhuget-sh@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3507-3053

BURIBAYEVA, Mainura Abiltayevna, Candidate of Philology, Vice-Rector for Research and International Relations of Korkyt ata Kyzylorda University. Postal address: Office 303, 29A Aiteke bi St., 120000, Kyzylorda, Kazakhstan. E-mail: buribayeva.mainura@korkyt.kz

ORCID: 0000-0002-2739-0905

KENGESSOVA, Madina Bakytkyzy, Doctoral Student, Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71/27 al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: madinabakytkyzy@mail.ru

Введение

Особенности этнокультурной жизни тувинцев, традиции хозяйствования, а также разведение домашних животных, совместная жизнь с ними — являются важными сюжетами тувинской художественной литературы. Из домашних животных особенно значимыми для тувинцев были кони и собаки как помощники в хозяйстве, в охоте, в походах. Они нередко появляются во многих произведениях тувинской литературы, также как и в литературе других народов кочевой культуры (Ыбырайым, Алтаева, 2017; Содномпилова, 2019; Джамбинова, 2023; и др.), в целом народов мира (Шапинская, 2017: Электр. ресурс).

Однако, если исследований образов и лексики домашних животных в тувинской мифологии, фольклоре, языке, литературе уже вышло достаточно много (История тувинской ... , 2013: 22, 33; Буркин, Болдырева, Музраева, 2019; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022; Соян, 2023; и мн. др.), то тема глубокой эмоциональной связи между человеком и животным еще оставалась вне поля зрения авторов. И это несмотря на то, что сами тувинисты признают: «В отношении тувинца к природе, животному миру, людям, в его религиозных чувствах, соблюдаемых им ритуалах, в его повседневном поведении и способах выражения своих эстетических чувств — одним словом, в образе его жизни, его генетической сущности глубоко запечатлелось мировосприятие его предков» (История тувинской ... , 2013: 33).

Мы исходим из того, что животные для тувинцев были не только помощниками; они не только облегчали жизнь человеку, давали ему пропитание и пр., т. е. не только рассматривались человеком с прагматических позиций. Они были существами, которые были верными друзьями и с которыми у людей устанавливалась глубокая эмоциональная связь. Их любили, с ними делили последние припасы; болезни, страдания, гибель таких животных для людей были сродни страданиям, потерям членов семьи. И мы не говорим о тех аспектах традиционной культуры, в которых определенным животным запрещалось вредить, их освящали, они становились сакральными (см.: Кенин-Лопсан, 2017: 140; Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023: 224). Мы говорим о формах внутреннего состояния человека — чувствах и эмоциональной связи по отношению к животным, признанных и изучаемых в современной психологии (Федорович, 2019; Суханова, Лыков, 2022).

Исследования эмоционального отношения человека к животным и даже к ландшафту на сегодня уже проводятся в культурной антропологии, для чего применяются выезды исследователей в места традиционных хозяйств (Давыдов, 2018). Однако, есть еще один источник для исследований данного вопроса — художественная литература.

Для литературоведения важно то, что чувственные проявления, эмоциональные переживания, связанные с животными, становятся ярчайшими элементами художественных произведений и могут стать отдельной темой для исследования литературных образов, сюжетов. В данной статье мы представим примеры эмоционально-чувственной связи человека и домашних животных, отображенные в тувинской литературе. Для того, чтобы предметно рассматривать тему эмоциональной связи, мы будем опираться на общеизвестные классификации эмоций человека: радость, удивление, страдание, гнев, страх, стыд, отвращение. Из типов чувств мы берем только высшие формы, отражающие внутренний мир: нравственные, интеллектуальные, эстетические и социальные. Исследование мы выполним в рассмотрении сюжетов, связанных с конем и собакой, в которых выражаются ярко чувства и эмоции человека по отношению к этим животным, к жизненным ситуациям, связанным с ними.

Источниками нашего исследования выступают избранные произведения тувинской художественной литературы, написанные на тувинском и русском языках, в которых мы нашли соответствующие сюжеты, описания: С. К. Тока «Слово арата» (1950)¹, К. К. Кудажы «Улуг-Хем неугомонный» (1984)², О. О. Сувакпит «Дөстүнмистер» («Неудержимые») (1993)³, Е. Т. Тановой «Кара-Бай» (2008)⁴, А. М. Ламажаа

¹ В издании: Тока С. Слово арата. Роман в 3-х кн. М.: Советский писатель, 1972.

² Кудажы К. К. Улуг-Хем неугомонный: черный том, красный том. М.: Современник, 1984.

³ Сувакпит О. О. Дөстүнмистер [Неудержимые]. Рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1993. (На тув. яз.).

⁴ Танова Е. Т. Кара-Бай. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. (На тув. яз.).

«Дороги серебряных шаманок» (2011)¹, М. Б. Кенин-Лопсана «Калдарак» (2017)², А. С. Ондара «Бижээчи» («Писарь») (2023)³, Э. Л. Донгака «Талыгырда чаңгы» («Далёкое эхо») (2025)⁴.

Среди произведений есть творения как на тувинском языке, переводные, в том числе самим автором (в авторизованном переводе), так и сразу написанные на русском языке авторами-билингвами. Как отмечает У. М. Бахтикиреева, феномен авторов-билингвалов заключается в их особых возможностях выражать через одну систему речевых знаков значения, которые присущи другому языку (Бахтикиреева, 2009). Тем не менее, и переводы, выполненные переводчиками, также позволяют (с опорой на оригинальные тексты) рассматривать тему эмоций и чувств, поскольку, как мы уже подчеркнули, эти сюжеты порой становятся украшениями литературных произведений и переводчики стараются также передать эти эмоции.

Итак, учитывая нашу заданную цель, мы отобрали в данных произведениях те сюжеты, в которых на тувинском или на русском языке присутствует лексика эмоций и чувств.

Человек и конь

Конь в тувинской культуре для тувинцев всегда был больше, чем средство передвижения. Он был сверстником, соратником, другом. Это отражено в эпических произведениях, где богатыри, подрастая, получали имя, которое произносилось с именем его коня, и в целом герой считался цельным именно благодаря тому, что он был всадником. Поэтому не удивительно, что эта связь также стала важной сюжетной линией в художественной литературе.

Одна из ярких историй тесной связи между человеком и конем отражена в романе Е. Т. Тановой «Кара-Бай», действие которого происходит в начале Великой Отечественной войны. Тувинская Народная Республика выступила одной из первых союзников СССР, стала отправлять фронт и деньги, и добровольческие отряды, и провизию, и скот, в том числе коней (История Тувы, 2007: 374–389). Власти декларировали добровольность всех этих видов гуманитарной помощи, которую собирали люди, тем не менее на местах тувинцев заставляли отдавать порой даже последние припасы, последний скот и любимых животных.

Так, в романе «Кара-Бай» главный герой Ыңаажык не хотел отдавать своего любимого коня Дора-Аскыра. Конь также всячески противился тому, чтобы его ловили чужие люди. Только усилиями четырех человек к вечеру удалось это сделать.

«Үш-дөрт кижик бүүзэлээш, шалбадап тургаш, кара кезээ арай деп Дора-Аскыры тудуп алган. Ону сүрүп келген арай деп тургаш чуларны аңаа кедирген. Ыңаажык аскырынга чеде бергеш, ооң мойнундан куспактаныпкаш, ыглапкан. Дора-Аскыр, ону билген дег, иштинде кинжигиредир оранган. Ыңаажык Дора-Аскырың думчуун сыйбап, мойнун часкагылааш, адыңче басыпкан. Ол хая көрүп диттикпээн. Ыңаажыктың карактарындан хап баткан чаш соолаңайнып чораан.

Ынчалза-даа ол Дора-Аскыры дээш эмин эрттир хомудаан. Ооң орнунга он-он аъттар, белер алгаш барган болза, ол ынчаар хомудаваас ийик»⁵.

‘Три-четыре человека его окружили, заарканили, только к вечеру с трудом Дора-Аскыра поймали. Гнавшийся за ним человек с трудом надел на него недоуздок. Подойдя к своему жеребцу, Ынаажык обнял его за шею и заплакал. Дора-Аскыр, словно его понимая, также хрипло фыркнул. Ынаажык, погладив Дора-Аскыра по носу, похлопал по шее и пошел от коня. Он не посмел оглянуться. Из глаз Ынаажыка текли слезы.

Он слишком сожалел о своем Дора-Аскыр. Если бы вместо него забрали десятки лошадей и кобыл, ему бы так жалко не было»⁶.

¹ В издании: Ламажаа А. М. Дороги серебряных шаманок. 2-е изд. М.: ООО «4 принт», 2019.

² Кенин-Лопсан М. Б. Калдарак : повесть для детей. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2017. (На тув. и русс. яз.).

³ Ондар А. С. Бижээчи. Даң хаязында амыдыралдың агымы [Писарь. Течение жизни на предрассветной заре]. Повести. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2023. (На тув. яз.).

⁴ Донгак Э. Л. Талыгырда чаңгы [Далёкое эхо]. Повести, рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2025. (На тув. яз.).

⁵ Танова Е. Т. Кара-Бай. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. С. 43. (На тув. яз.).

⁶ Здесь и далее без специальных указаний перевод с тувинского на русский выполнен Ш. Ю. Азыраа.

Мы видим в тексте выражения: обиды, сожаления — *хомудаан, хомудаас ийик*; печали, горя, выраженных в плаче — *ыглапкан, карактарындан хап баткан чаш соолаңайнып чораан*, или боязни посмотреть на своего друга — *ол хая көрүп диттикпээн*; сожалений, попыток смягчить боль в виде жестов утешения — *сыйбап, часкагылааш*.

История разделенных друзей на этом не закончилась. Через некоторое время Ынаажык увидел своего любимого коня в стаде в другом местечке Тувы. Он обнаружил это, случайно посмотрев на пасущихся коней и, конечно, же узнав своего Дора-Аскыра. Далее трогательно описывается момент узнавания хозяина и его четвероногого друга, побежавших навстречу другу¹: «Ынаажык ооң мойнундан куспактаныпкаш, суйбап, часкагылап, бир-ле чүве чугаалап турган»² 'Ынаажык обнял его за шею, гладил, похлопывал, что-то говорил».

Люди, оставленные в машине, наблюдали за этой сценой, обсуждали, а, когда мужчина вернулся, засыпали его вопросами, неужели он продал своего коня. Они очень удивились, поняв, что Ынаажык отдал его на фронт, но обнаружил в итоге в другом стаде.

Его разговоры о своем коне станут известны милиции (НКВД), и Ынаажыка около месяца будут допрашивать. Хозяин объяснял им:

«Кижы малын канчап салчаар боор. Суглуг караам-биле көргеним шын. Кыйгыраарымга, маңнап келчик. Ону сыйбап, эргеледип-даа турдум-на харын. Ону көргөн улус-даа бар чүве. Харын, ол аскырни билир улуска-даа таныдып болур силер»³.

'Как можно не узнать своего коня. Действительно, я видел своими мокрыми (т. е. плачущими. — Авт.) глазами. Когда я его окликнул, он прибежал. Да я и гладил его, ласкал. Есть люди, которые его видели. Действительно, вы можете расспросить и тех, кто знает коня'.

Когда правда выяснилась, его отпустили.

В этих словах главного героя интересно выражение *суглуг караам-биле* 'с мокрыми глазами', передающими боль и плач человека, узнавшего свою драгоценную потерю.

В рассказе О. О. Сувакпит «Кара-Богбам» герой вспоминает своего любимого коня детства самыми теплыми словами:

«Кара-Богбаның чаныганы мырыңай кара кайгамчык мал. Каяа-даа салыптарга, даңны атсы, хүннү бадыр маңнап чанып келир. Ишти-хырни тыртыла берген, сугга дүшкен күске дег көк мөөн апарган болур. Келгеш өгнү бир долгандыр оранып маңнааш, эжик дужунга черни тепсээш, былгыргаш ам өттөп, суг ижип чоруптар.

Мен афдымга кончуг-ла ынак чораан мен. Айт кижиниң чоок өңнүү деп чүвени шынап-ла бодум афдым Кара-Богбадан билген мен.

Афтарымның кайызын-даа мунганымда хей черге черле шаппас мен. Оларны кончуг хумагалаар мен. Олар дээрге тыва кижиниң чалгыны, чарылбас өңнүү ышкажыл. Мен ону ынчаар билир мен»⁴.

'Кара-Богба был удивительным конем, который всегда убегает домой. Куда бы его ни отпустили на рассвете, на закате он всегда возвращался домой. Бывает, что у него брюхо провисало, он промокал до нитки, как утонувшая мышь. Прибегая, обегал вокруг юрты, топтал землю возле двери, фыркал, а потом только уходил, чтобы щипать траву и пить воду.

Я очень любил своего коня. Действительно, о том, что лошадь является близким другом человека, я узнал от своего коня Кара-Богба.

Ни на одном из своих коней я зря не скакал. Я их очень берег. Ведь они крылья и неразлучный друг для тувинцев. Я это так понимаю'.

В этом описании сразу мы видим признание в большой любви к лошадям в целом, и к конкретному коню — *кончуг-ла ынак чораан мен*. Эти чувства вылились в такой поэтический оборот как *Олар дээрге тыва кижиниң чалгыны* 'Они крылья для тувинцев'⁵.

¹ Танова Е. Т. Кара-Бай. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. С. 86. (На тув. яз.).

² Там же.

³ Там же. С. 93.

⁴ Сувакпит О. О. Дөстүнместер [Неудержимые]. Рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1993. С. 30. (На тув. яз.).

⁵ Там же.

Еще одно описание трогательной связи между человеком и его конем содержится в повести «Талыгырда чаңгы» («Далёкое эхо») Э. Л. Донгака (1941–2008). Произведение посвящено памяти тувинского добровольца, погибшего в Великой Отечественной войне Сендең-оола, прототипом которого послужил Севээн-оол Тюлюш из Дус-Дагского сумона, близкий родственник писателя.

Перед уходом на фронт Сендең-оол прощается со своим конем Чинге-Калдар и дает наказы своим родным:

«Мээң эки калдар аъдымны хумагалап, чарыштарга эртир мунуп кээп тур, шүңме. Ам халып чана бер, че! — дээш, аалче бөргүн чайгааш, ол бурунгаар үзеш дээрге, күжүр Калдар сыр кара маңы-биле кушталдырып чоруй барган»¹.

“Береги моего хорошего подпалого коня, побеждай на скачках, хорошо? А теперь беги домой!” — сказав, в сторону аала шапкой он махнул, и бедный Калдар со всей скоростью стремительно помчался’.

Здесь интересно использование прилагательного *күжүр*, который имеет два значения: не только ‘бедный’, но и ‘милый, дорогой’². Обычно тувинцы словами *күжүр эжим* ‘милый друг’, или *күжүрүм* ‘мой дорогой/моя дорогая’ обращаются к любимым людям, к супругам.

В романе-эпопее К. К. Кудажы «Уйгу чок Улуг-Хем» («Улуг-Хем неугомонный») описывается даже не дружба, а такой союз Сулдема и его коня Кула-Сарыг, что они могли чувствовать друг друга, двигаться как единое целое:

«Кула-Сарыг тихо и смирно стоял в укрытии. Про этого коня можно было бы рассказать многое. Умнейшее животное Кула-Сарыг! Только что говорить не умеет, а понимать — все понимает. Когда хозяин охотится, он не фыркнет, не хрустнет валежиной; ступает легко, бесшумно. Воткни кнутовище в снег, привяжи к нему недоуздок, — Кула-Сарыг будет стоять хоть целый день и не шелохнется»³.

Когда добычу старика украл богач Мангыр чейзен, конь чувствовал настроение хозяина:

«С тяжелым сердцем ехал по тайге Сульдем. И коню его будто передалось удрученное состояние хозяина. Шел Кула-Сарыг тихо и неохотно, вспахивая копытами глубокий снег, словно был спутан по всем четырем ногам»⁴.

Автор описывает как конь двигался или не двигался, понимая действия и даже настроение своего человека, настолько хорошо чувствовали они друг друга.

В рассказе Ч. Чулдума «Аът дуюу» («Копыто лошади») также повествуется о духе единства между тувинцами и их лошадьми:

«А Эрен-Хөө биле Сарыг-Самдаңның аъттарының дуюглары кайызында-даа чок, кайгалдарның чарылбас хөлгези болган. А эң-не кол чүве, аъттарның-даа, ээлериң-даа бот-боттарын билчири. Ээзи чокта оларның аъттары өске кижичанынче чагдадып деп ужур-даа чок, ызырар, тевер, карбаар-кагар, мунувутса-даа мөөр-дывылаар, ээзинге ол хире бердинген. Чогум-на ооң ужун адыгуузун мал-даа бол, чай-кыш, дүн-хүн чокка кара кезээде кады чоруур болгааш ээзиниң кымдан, чүден сестирин-даа билчир. Ол хамаанчок, ооң сеткил-хөөнүн безин эндевес, ол шагзыраан азы дүймээрелге алзып чоруур болза, чымчак сиген сый баспайн, чылбыртып чоруур, а бир эвес ээзи омак-сергек болза, черге дегбес, сыылады челип олар. Аът ынчангааш үргүлчүнүн истеп сүрүүшкүндө чоруур дургун кайгалдарга кара чаңгыс даянгыш, бүзүрелдиг эжи болгааш хайыралдыг өңнүү бооп чораан»⁵.

‘А у коней Эрен-Хоо и Сарыг-Самдана копыт не было ни у одного, это были неразлучные кони удальцов. А самое главное, и лошади и их хозяева понимали друг друга. Без хозяина их лошади не подпускали к себе чужих, они кусались, пинались, размахивались, даже если их оседлывали, то старались сбросить седока, не слушались, были так преданы своему хозяину. Животные всегда находились рядом с хозяином в летние и зимние времена, днем и ночью, и поэтому всегда понимали, кого и чего боится их хозяин. Более того, они чувствуют даже настроение хозяина, если он устал или в смятении, мягкой травы еле коснувшись, скакали,

¹ Донгак Э. Л. Талыгырда чаңгы [Далёкое эхо]. Повести, рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2025. С. 27. (На тув. яз.).

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 268–269.

³ Кудажы К. К. Улуг-Хем неугомонный: черный том, красный том. М.: Современник, 1984. С. 7.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Чулдум Ч. Аът дуюу [Копыто лошади] // Өгбелерге тураскаадыг. Алдан-Маадыр. Памяти предков. Сборник документов и материалов, посвященный 110-летию национального восстания. Кызыл: Новости Тувы, 1997. С. 282. (На тув. яз.).

затаив дыхание, а если хозяин бодр, не касаясь земли, несутся рысью. Поэтому лошадь была единственной опорой для беглых удальцов в постоянном преследовании, надежным другом и любимым другом¹.

Беглыми удальцами называли участников восстания шестидесяти богатырей (*алдан маадыр*) — одного из наиболее крупных выступлений в истории тувинского национально-освободительного движения против маньчжуро-китайской власти в 1883–1884 гг., которое развернулось в долине реки Хемчик. Руководителями его были араты Самбажык, Кожагар-Комбулдай и мелкий чиновник Дажыма. Общее количество участников восстания доходило до 300 человек, но основное ядро состояло из 60 человек (История Тувы, 2001: 297–298; и др.¹).

В одном из произведений об этом восстании — повести «Бижээчи» («Писарь») А. С. Ондара мы встречаем уже фактически описание чувств самих животных, привязанных к своим хозяевам.

Когда двое из восставших Намнан и его друг Донгурак были убиты, то конь первого из них — Сылдыс-Кара — не оставил тела в лесу:

«Удатпаанда сөөлгү чыдынын тыва берген ийи эжишкини долгандыр бүгү бойдус шимээн барган. Чүгле ээзинден ырак эвес өттүп турган аъттың былгырганы шыпыңны үрээн. Хайгыылчылар Намнанның малын тудуп аар дээш чадап кааш, каапканнары ол.

Даң бажы агарар деп келгенде, ийи эрниц мурнунда арга иштинде аът киштээн:

— Намнанның Сылдыс-Каразы-дыр. Бисти билип кааны ол-дур көр — деп, бирээзи малдың үнүн танып, ыыткыр сымыранган.

— Эки аът деп чүве ол-дур — деп, эжи харыылаан. — Ээзи өлгөн-даа болза, кагбас.

Оларже өөрүшкү-биле көрүп алган турган малдың чоогунга дүжүп алгаш, эштерин дилээри-биле ийи эр чара кылашташкан»².

‘Вскоре, вокруг нашедших свой последний путь двух друзей, природа замерла. Тишину нарушало лишь фыркание коня, пасущегося недалеко от своего хозяина. Разведчики пытались поймать коня Намнана, но не смогли и оставили там.

Когда рассвело, друзья погибших обнаружили на этом месте перед собой заржавшую лошадь:

— Это Сылдыс-Кара Намнана. Он узнал нас, — один из них признал голос животного, громко шепча.

— Вот что значит хорошая лошадь, — ответил его друг. — Хотя владелец мертв, он не оставил его.

Присев на корточки возле животного, которое радостно смотрело на них, двое мужчин отправились на поиски своих друзей¹.

В данном отрывке мы встречаем описание радости, которое испытывает конь при виде знакомых ему людей: *өөрүшкү-биле көрүп алган* ‘глядя с удовольствием / радостью’.

Таким образом, достаточно беглый обзор произведений тувинской литературы показывает нам много примеров сюжетов, описаний эмоциональной связи между человеком и конем. Авторы не скупятся на выражения нежности, привязанности, которые испытывают тувинцы к своим скакунам. Причем чувства эти взаимны: показывается, как лошади привязывались к своим хозяевам, становились их ближайшими друзьями.

Человек и собака

Еще одно домашнее животное тувинцев — собаки занимали такое же большое место в их жизни, в сердце. Если кони в основном становились близкими существами для взрослых, то собаки были друзьями для детей. Поэтому в литературе много детских воспоминаний о собаках.

В романе С. К. Тока «Слово арата», который считается одним из первых классических произведений тувинской литературы (Комбу, 2013), первый сюжет главы «Наши охотники» посвящен собаке Черликпен, которая сама прибилась к ним, считалась приبلудной. Ее автор описывает так:

¹ Өгбелерге тураскаадыг. Алдан-Маадыр. Памяти предков. Сборник документов и материалов, посвященный 110-летию национального восстания. Кызыл: Новости Тувы, 1997. (На тув. и рус. яз.).

² Ондар А. С. Бижээчи. Даң хаязында амыдыралдың агымы [Писарь. Течение жизни на предрассветной заре]. Повести. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2023. С. 228. (На тув. яз.).

«Наш Черликпен¹ был высокий, сильный пес, черный как уголь. Шерсть на хвосте сбивалась у него комьями, как будто к нему пришили куски войлока. Лаял он громким басом»²;

«Среди собак она была великаном»³.

Самим фактом, что он помнил кличку собаки раннего детства, мог ее описать, С. Тока показал как дороги ему воспоминания о питомце семьи, жившей в нищете, вынужденной искать себе пищу и бороться за жизнь в ветхом жилье. Он также прямо признался:

«Мы полюбили Черликпена с первого дня, когда придумали ему кличку»⁴.

Для пятерых детей, которых растила одна мать, вынужденная ежедневно уходить на поиски пропитания, собака стала не просто защитником, охранником. Черликпен стал утешителем:

«Раньше, без Черликпена, нам становилось не по себе, когда мать уходила надолго в горы или спускалась вниз по Мерген⁵. Теперь мы никого не боялись»⁶.

Но собака не только спасала детей от одиночества, украшала их существование. Она стала и их кормилицей:

«Сколько было радости и веселья, когда в один ясный морозный вечер он вернулся в чум с первой добычей! Огонь в очаге уже догорал, под пеплом чуть тлели красные угольки. В чуме стало так холодно, что щипало носы и пальцы, как только высунешь их из-под покрывала. От холода мы не могли заснуть.

Вдруг слышим веселый визг Черликпена. Через минуту он вошел в чум, важно переступая, остановился перед нами и опустил свою ношу. Это был большой белый заяц. Видимо, Черликпен подкараулил его на тропе, спрятавшись за сугроб. Наш охотник был голоден, как и мы, но не показывал виду и так же важно, как вошел, улегся перед очагом.

Тут же мы ободрали зайца, сварили и до утра лакомились нежным мясом. Голову отдали нашему охотнику Черликпену»⁷.

Так, мы видим среди воспоминаний автора описания чувств и эмоций: «полюбили», «радость», «веселье», «веселый визг», а также признательное «наш охотник».

Но история собаки осталась лишь эпизодом в описании трудного детства автора, причем без окончания: мы не узнаем, что дальше случилось с собакой.

В повести для детей М. Б. Кенин-Лопсана «Калдарак» описывается дружба между мальчиком и его собакой Калдарак. Герой вырастил пса с маленького щенка, которого родила охотничья собака его бабушки, и был очень к нему привязан:

«Никому-никому не позволял брать моего Калдарака на руки! Холодно станет — ношу его, бывало, за пазухой. Безрукавка старенькая, короткая, полы растопырятся, ветер поддувает — мне хоть бы что, было бы Калдарaku тепло! Вырос он у меня на руках и потом уже всегда за мной следовал, всюду меня по следу находил. Есть такие охотники: натаскивают собаку, чтобы она впереди бежала, хозяина за собой вела. Другой науке обучил я своего Калдарака: позади идти и каждое слово хозяина понимать. Пока я не разрешу, Калдарак мой ни на зверя ни на птицу не кинется. И искать мне его не надо — сам найдёт, и не только меня — любого, кого велю ему найти. Вот это собака! Верно говорят охотники: хозяин собаку кормит, зато собака хозяина и накормит, и оденет»⁸.

Автор ярко описывает охотничьи качества своего пса:

¹ От черлик 'дикий'. См.: Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 529. Судя по описанию, собака была породы аборигенной тувинской овчарки *тыва ыт*. См.: Тувинская собака (*тыва ыт*). Историческая справка. [Электронный ресурс] // Российская кинологовическая федерация. URL: <https://rkf.org.ru/wp-content/uploads/2023/12/2023-nojabr-istorija-tuvinka-Morozova-korrES-final-na-sajt.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

² Тока С. Слово арата. ... С. 15.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ По реке Мерген, в таежной местности Тоджинского хошуна (района) Тувы.

⁶ Тока С. Слово арата. ... С. 15.

⁷ Там же. С. 16.

⁸ Кенин-Лопсан М. Б. Калдарак : повесть для детей. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2017. С. 12–13. (На тув. и рус. яз.).

«Какого зверя не добывал ты, славный мой Калдарак! Белку и соболя поднимал ты, чуткий мой Калдарак! И суслика малого не обегал ты, милый мой Калдарак! И зайца быстрого догонял ты, резвый мой Калдарак! Однажды весной поймал росомаху ловкий мой Калдарак! Не знал перед лосем, медведем страху смелый мой Калдарак! Но только не зря зверей настигал ты, друг ты мой Калдарак! Всегда человека оберегал ты, верный мой Калдарак!»¹

Но вот однажды пес не вернулся с охоты, оказалось, что его растерзали три волка. Хозяин нашел на вершине горы только его останки:

«...Вижу — косточки от передних лап.

Сдерживая горькие слезы, подобрал я лапки — единственное, что осталось от моего верного друга. Голову и ту сожрали лютые звери! Подобрал, присмотрел дуплистое дерево неподалёку и положил обе лапки в дупло. Кусок мяса, захваченный из дому для Калдарака, рядом положил. Знал, конечно, что не съест уже этого моему другу, да ведь так делали мои предки-охотники. И только после того, простившись с Калдаракком, дал волю слезам. Никого у меня теперь нет. Ни отца, ни матери, ни мудрого дедушки Мыйыта, ни милого, верного моего пса. Только бабушка осталась»².

Автор не скупится на описания заботы о друге («было бы Калдараку тепло»), восторга от его ума, способностей («Вот это собака!», «славный мой Калдарак!», «ловкий мой Калдарак!», «смелый мой Калдарак!», «верный мой Калдарак!»), а также своего нежного отношения к нему («чуткий мой Калдарак!», «милый мой Калдарак!», «мой верный друг»). Конечно же трагическая гибель любимого пса стала не просто большой утратой, которая вызвала у мальчика слезы («сдерживая горькие слезы», «дал волю слезам»), но и стала сравнимой с утратой с близким членом семьи наравне с родителями, дедушкой («Никого у меня теперь нет. Ни отца, ни матери, ни мудрого дедушки Мыйыта, ни милого, верного моего пса»).

Очень тяжелое эмоциональное прощание целой семьи с любимыми собаками содержится в русскоязычном романе А. М. Ламажаа «Дороги серебряных шаманок», высоко оцененном литературоведами (Самдан, 2020; Токарева, 2021). В романе есть целый параграф «Собачья преданность», в котором рассказывается как пес охотника Болат по кличке Хартыга спас его на охоте от медведя и помог раненному хозяину взобраться на лошадь, добраться до людей³.

Однако, не эта история привлекает наше внимание, а завершающая раздел — трагическая. Здесь рассказывается о событиях, которые сопровождали перевод тувинцев-скотоводов-кочевников на оседлость, на примере одной отдельно взятой семьи. Как и остальные семьи, Болат и его жена Танаа лишились скота, поскольку его надо было сдавать в коллективное хозяйство. Был утрачен смысл держать помощников для охраны стад — собак. Чабаны были вынуждены отпустить их на волю. Оставшиеся без присмотра и привычной работы псы стали сбиваться в стаи, дичать и угрожать людям, особенно детям. Власти решили проблему срочным отстрелом, а владельцы оставшихся хозяйских собак должны были получить на питомцев специальные жетоны на шею, чтобы их можно было опознать. Болат не хотел расставаться с верным псом Хартыга и решил добыть для него жетон. Сын Болат Сергей отправился за знаком, а племянница Чаянмаа-Нюра поехала к старому стойбищу забрать оставленные вещи в старом амбарчике.

На подъезде к родному стойбищу дорогу ей преградили чужие собаки — на этом месте уже жила другая семья с юртами. Не успела девочка испугаться, как на этих псов налетели собаки, в которых она опознала бывших сторожей их стойбища.

«То были не простые пастухи, а представители особого племени сторожевых псов, всегда остававшихся стеречь зимнюю стоянку, даже летом, когда хозяева перекочевывали на летнюю стоянку. Их любимыми местами были холмы, с которых как с вышек-постов собаки вели наблюдение за своими стадами, отслеживали приближение чужаков, хищников. Изменить их привычки не были в силах даже хозяева. Сторожа так и остались в этой местности, когда семья переезжала в село из-за травмы отца. Собак просто не смогли дозваться.

Когда на стойбище появилась чужая семья со своими собаками, сторожа не покинули место, сильно осложняя всем жизнь. Вот и сейчас они радостно кинулись навстречу маленькой хозяйке. Налетели на

¹ Там же. С. 41.

² Там же. С. 64–66.

³ Ламажаа А. М. Дороги серебряных шаманок. ... С. 81–82.

чужаков, посмевавших напасть на ее лошадь и на глазах выбежавших из юрт хозяев разорвали самую смелую. Псы были худыми, лохматыми, но счастливыми оттого, что увидели родное лицо. Они вились около лошади Нюры, подпрыгивали и громко радостно скулили, моргая верными блестящими глазами. Девочка соскочила на землю, обняла их, целуя мокрые морды, и расплакалась.

<...>

Поговорив с новыми хозяевами стойбища, посидев на холме у своих собак, девочка собрала нужные вещи и двинулась обратно с тяжелым сердцем. Попробовала позвать их с собой. Псы прибежали, проводили ее до границ стойбища и вернулись обратно к своим постам. Уселись столбиками на холмах и повили вслед хозяйке.

Нюра приехала домой вся заплаканная¹.

Дома в это время развернулась своя трагедия. Хартыга выскочил из юрты, где он сидел в заточении несколько дней под присмотром хозяев, и побежал вслед за вышедшим на улицу хозяином. В какой-то момент он попался на глаза отстреливающим и был убит. Жетон, который привез Сергей, оказался запоздалым. «Узнав о том, что случилось, выбросил знак и заплакал»².

Когда Сергей услышал рассказ Нюры о собаках-сторожах, то без ужина молча лег спать, повернувшись. Наутро уехал с ружьем, сказав: «Зачем собаки будут мучиться?» «Больше никто в семье не вспоминал о четвероногих друзьях. Слишком болезненная была тема»³.

Эмоции и чувства, которые описаны в данном сюжете, показывают нам, насколько тяжело переживали люди, потерявшие своих друзей: «расплакалась», «с тяжелым сердцем», «заплаканная», «заплакал», «молча», «болезненная». При этом, интересны также упоминания сочувствия, которые вызывали люди, понимая, что животные страдают: «обняла», «Зачем собаки будут мучиться?»

Еще одно интересное описание показывает чувства собаки.

В рассказе О. О. Сувакпит «Частырыым» («Моя ошибка») показано, как ребенок мог обидеть друга:

«Өгге олурумда, Ак-Чүрек хенертен чирти-ле берди. Дүрген-не үне халыдым. Кудууртан акым чортуп олур. Ол аьдын баглаашка баглап кааш базып келди. Ак-Чүрек мени мурнай акымны ээртинип, ооң буттарын доза туруп, эргеленип, ойнап-ла чор. Мен хейде-ле аңаа адааргаан чүве дег, «Сок!» деп алгырыпканым бодум безин былбейн барган болдум. Ыдымның өөрүшкүзү соккаш кыннып, менче шала хомудаанзыг кылчаш кылдыр көргөш, кудуруун муна шаапкаш, «Черже сиңнип кире берейн» дээнзиг чыда дүштү. Ам кээп ыдымны кээргеп, бажын суйбап каарымга, ол мээң холдарым чылгап, холдары-биле дегелеп, аңдаштаны каапкаш, өг хөлегезинче чоруй барды»⁴.

‘Когда я сидел в юрте, Ак-Чурек вдруг громко залаял. Я быстро выбежал. Снизу ехал медленно мой брат. Привязав коня к коновязи, он подошел. Ак-Чурек раньше меня закрутился вокруг брата, наступая на его ноги, стал ласкаться и играть. Как будто я ему позавидовал, сам не знаю почему и крикнул ему “Сок!”⁵. Радость моей собаки оборвалась, она посмотрела на меня немного обиженным взглядом, взмахнула хвостом и легла, словно говоря: «Провалюсь под землю». Потом я пожалел свою собаку, погладил ее по голове, она облизала мои руки, и повалявшись на земле, ушла в тень юрты’.

Сначала собака всячески выражала свою радость от того, что приехал член семьи (ооң буттарын доза туруп, эргеленип, ойнап-ла чор ‘наступая на его ноги, ласкается и играет’). Но младший брат приехавшего позавидовал тому, что его опередила собака, и прогоняет пса. И собака обиделась, что вызвало целый каскад состояний и действий: ыдымның өөрүшкүзү соккаш кыннып ‘радость моей собаки оборвалась’, менче шала хомудаанзыг кылчаш кылдыр көргөш ‘бросив на меня слегка обиженный взгляд’, кудуруун муна шаапкаш ‘опустив хвост’, «Черже сиңнип кире берейн» дээнзиг чыда дүштү ‘легла на землю, показывая всем видом «Провалюсь под землю»’.

¹ Там же. С. 84.

² Там же. 84.

³ Там же.

⁴ Сувакпит О. О. Дөстүнместер [Неудержимые]. Рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1993. С. 14. (На тув. яз.).

⁵ Возглас, которым отгоняют собак. См.: Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 380.

Герой выразил раскаяние от своего поступка: *ыдымны кээрген* ‘пожалев мою собаку’, *бажын суйбап каарымга* ‘когда я погладил ее голову, она его простила’.

То есть животное здесь показано как существо, которое испытывает бурю эмоций и чувств, затрагивающих и эмоции, чувства человека.

В повести Е. Т. Тановой «Акым дугайында тоожу» рассказывается как главный герой Чылбак наказал свою собаку Эгерек за то, что та оборвала страницы книги. Но Чылбак вскоре стал жалко собаки и пытается помириться:

«Чылбак ыдын кээргээнинден чүрээ саргый берген. Ол ыдының хаваан, ооргазын сыйбап каан. Ынчан ол ам-на дидим эвес сүттү чылгай берген. Баштай оожум, ооң соонда харамдыгып иже берген. Шагдыр-оол ону көргөш, каттыра берген. Ынчалза-даа акызының карактарында бүлдеңейнип келген чашты көрүп кааш, ыттавайн барган»¹.

‘Чылбаку стало очень жалко собаки. Он погладил лоб и спину собаки. Только после этого она стала лакать молоко. Сначала осторожно, потом стала жадно пить. Увидев это, Шагдыр-оол стал смеяться. Но, посмотрев на прослезившиеся глаза брата, замолчал’.

Интересным выражением передаются чувства Чылбака *чүрээ саргый берген* ‘стало очень жалко’, букв. ‘сердце защемило’ (от *саргыыр* ‘щемишь’). Как пишут исследователи К. Х. Рахимжанов, М. К. Акошева и З. К. Темиргазина, сердце многими народами мира, в том числе тюркоязычными, например, тувинцами и казахами, понимается средоточием эмоций, чувств (Рахимжанов, Акошева, Темиргазина, 2020). Поэтому они фиксируют так много выражений в тувинском и казахском языках, связанных с сердцем и передающим эмоции. В данном случае фразеологизм *чүрээ саргый берген* ‘сердце защемило’ близко к русскому варианту, который передает чувство гнетущей тоски.

Еще одно выражение захлестнувших мальчика эмоций передается фразой *карактарында бүлдеңейнип келген чаштар* ‘закипающие слезы на глазах’. Она очень точно передает насколько острым для него стало чувство жалости ко псу, который явно не заслуживал сурового наказания за столь обыденный проступок.

Так, мы видим, что собака занимала большое место в жизни тувинцев в детстве. Она была членом семьи, верным другом и для охотников, для семей. Писатели передавали и чувства людей по отношению к собакам, и собачьи эмоции, переживания. Причем эмоционально-чувственная связь была взаимная, как люди, так и собаки передавали их друг другу.

Заключение

Образы домашних животных, прежде всего коней и собак, играют важную роль в тувинской художественной литературе, отражая не только хозяйственную значимость животных, но и их глубокие эмоциональные связи с человеком. Причем именно литература может передать глубину и яркость этой связи, эмоций и чувств, поскольку художественный текст представляет субъективную сферу человека, пропущенную через субъективность автора. Если в фольклоре, в эпических произведениях, образы животных довольно статичны, они занимают определенное место и их роль не меняется (они соратники, помощники, советники), то в литературе раскрываются эмоции, чувства, переживания.

Произведения описывают и эмоциональные состояния, и глубокие чувства, что позволяет нам лучше понять универсальность технологий домостроения, которая объединяет людей и животных, делая их отношения близкими (Давыдов, 2018). В этих отношениях мы видим не только как раскрывается человек, но и как на его действия реагируют животные, мы видим обе стороны этих отношений, соединенных как в общий сосуд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтикиреева, У. М. (2009) Творческая билингвальная личность : (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Изд. 2-е, доп. Астана : ЦБО и МИ. 282 с.

¹ Танова Е. Т. Акым дугайында тоожу [Повесть о моем брате]. Повесть. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 20. (На тув. яз.).

Бурыкин, А. А., Болдырева, И. М., Музраева, Д. Н. (2019) Собака в калмыцком и тувинском фольклоре // Новые исследования Тувы. № 4. С. 119–132. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.10>

Давыдов, В. Н. (2018) Эмоции в отношениях человека, животного и ландшафта: исследование коральных работ на Таймыре // Кунсткамера. № 2. С. 81–87. DOI: <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-2-81-87>

Джамбинова, Н. С. (2023) Ценность домашних животных в аскиологической системе и языке разных народов // Сетевое востоковедение: востоковедное научное знание в современном контексте : Материалы VI Международной научной конференции, Элиста, 26–27 октября 2023 года / отв. ред. Б. К. Салаев. Элиста : Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова. 509 с. С. 75–80.

Иванов, Е. Е., Марфина Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

История тувинской литературы (2013) / А. С. Донгак, У. А. Донгак, М. А. Кужугет и др. Новосибирск : Издательство СО РАН. Т. I. 266 с.

История Тувы (2001) / под ред. С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. Т. 1. 376 с.

История Тувы (2007) / под ред. С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. Т. 2. 430 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2017) Тыва чаңчыл [Тувинские традиции]. Ч. I и II. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 360 с. (На тув. яз.).

Комбу, С. С. (2013) «Слово арата» С. Тока — одно из классических произведений тувинской литературы: история создания // Всероссийский журнал научных публикаций. № 1. С. 62–63.

Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д., Монгуш, А. В. (2023) Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 220–241. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Рахимжанов, К. Х., Акошева М. К., Темиргазина, З. К. (2020) Метафорическо-метонимическая интерпретация сердца в казахском и тувинском языках: взаимодействие языка, анатомии и культуры // Новые исследования Тувы. № 4. С. 261–271. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18>

Самдан, З. Б. (2020) Трансформация образа женщины кочевой культуры в тувинской литературе (на примере творчества А. М. Ламажаа) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 228–239. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.16>

Содномпилова, М. М. (2019) Образы домашних животных в интерпретациях социального устройства кочевого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 27. С. 73–78. DOI: <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.27.73>

Соян, А. М. (2023) Образ коня в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Суханова, В. С., Лыков, И. Н. (2022) Влияние домашних животных на психоэмоциональное здоровье хозяев // Тенденции развития науки и образования. № 85–2. С. 63–68. DOI: <https://doi.org/10.18411/trnio-05-2022-67>

Токарева, Н. А. (2021) Тюркизмы как средства создания национальных образов мира в современном художественном тексте (на материале романа Анны Ламажаа «Дороги серебряных шаманок») // Национальные образы мира в зеркале русского языка : сборник статей / ред. О. А. Валикова. М. : РУДН. 212 с. С. 206–212.

Федорович, Е. Ю. (2019) Три стороны одной и той же привязанности: люди и их домашние питомцы // Психология и психотерапия семьи. № 3. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.24411/2587-6783-2019-10001>

Шапинская, Е. Н. (2017) Образ Животного в текстах культуры [Электронный ресурс] // Культура культуры. № 4 (16). С. 5. URL: <http://cult-cult.ru/the-animal-image-in-cultural-texts/> (дата обращения: 12.04.2025).

Ыбырайым, А. О., Алтаева, А. О. (2017) Анималистические образы в этнокультуре татарского и казахского народов // Tatarica. № 1(8). С. 7–21.

Дата поступления: 02.04.2025 г.

Дата принятия: 21.05.2025 г.

REFERENCES

Bakhtikireeva, U. M. (2009) *Creative bilingual personality: features of the Russian text by an author of Turkic origin*. 2nd ed. Astana, TsBO i MI. 282 p. (In Russ.)

- Burykin, A. A., Boldyreva, I. M. and Muzraeva, D. N. (2019) The dog in Kalmyk and Tuvan folklore. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 119–132. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.10>
- Davydov, V. N. (2018) Emotions in human, animal, and landscape relations: a study of coral-fishing labor in Taimyr. *Kunstkamera*, no. 2, pp. 81–87. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-2-81-87>
- Djambinova, N. S. (2023) The value of domestic animals in the axiological system and language of different peoples. In: *Network Oriental Studies: Oriental Scientific Knowledge in the Modern Context*. Proc. VI International Scientific Conference, Elista, October 26–27, 2023 / ed. by B. K. Salaev. Elista, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. 509 p. Pp. 75–80. (In Russ.)
- Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Animal nominations in Tuvan proverbs and sayings: aspects of implementation and issues of research. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>
- The history of Tuvan literature* (2013) / A. S. Dongak, U. A. Dongak, M. A. Kuzhuget et al. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Vol. I. 266 p. (In Russ.)
- The history of Tuva* (2001) / eds. S. I. Vainshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 376 p. (In Russ.)
- The history of Tuva* (2007) / eds. S. I. Vainshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan, M. B. (2017) *Tuvan traditions*. Parts I–II. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 360 p. (In Tuvan). (In Russ.)
- Kombu, S. S. (2013) “The Word of the Arat” by S. Toka — One of the Classical Works of Tuvan Literature: History of Creation. *Vserossiyskii zhurnal nauchnykh publikatsiy*, no. 1, pp. 62–63. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. and Mongush, A. V. (2023) The sacred in Tuvan culture: past and present. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–241. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>
- Rakhimzhanov, K. Kh., Akosheva, M. K., Temirgazin, Z. K. (2020) Metaphorical and metonymical interpretation of the heart in Kazakh and Tuvan: interaction of language, anatomy and culture. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 261–271. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18>
- Samdan, Z. B. (2020) Transformation of the image of the woman of nomadic culture in Tuvan literature (on the example of the works of A. M. Lamazhaa). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 228–239. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.16> (In Russ.)
- Sodnompilova, M. M. (2019) Images of domestic animals in interpretations of the social structure of nomadic society. *Izvestiya of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*, vol. 27, pp. 73–78. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.27.73>
- Soyan A.M. (2023) The image of the horse in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 84–96. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>
- Sukhanova, V. S. and Lykov, I. N. (2022) The influence of domestic animals on the psycho-emotional health of their owners. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 85-2, pp. 63–68. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18411/trnio-05-2022-67>
- Tokareva, N. A. (2021) Turkicisms as means of creating national world images in contemporary fiction (on the material of the novel by Anna Lamazhaa “The Roads of the Silver Shamans”). In: *National Images of the World in the Mirror of the Russian Language: Collected Papers* / ed. by O. A. Valikova. Moscow, RUDN. 212 p. Pp. 206–212. (In Russ.)
- Fedorovich, E. Yu. (2019) Three sides of the same attachment: people and their pets. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i*, no. 3, pp. 5–18. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24411/2587-6783-2019-10001>
- Shapinskaya, E. N. (2017) The animal image in cultural texts. *Kultura kultury*, no. 4 (16), article 5 [online] Available at: <http://cult-cult.ru/the-animal-image-in-cultural-texts/> (accessed: 12.04.2025). (In Russ.)
- Ybyrayym, A. O. and Altaeva, A. O. (2017) Animalistic images in the ethnoculture of the Tatar and Kazakh peoples. *Tatarica*, no. 1(8), pp. 7–21. (In Russ.)

Submission date: 02.04.2025.

Acceptance date: 21.05.2025.